

разсудки, тѣмъ болѣе когда въ основѣ ихъ лежатъ тѣ или иные соціальныя симпатіи или антипатіи“. Ошибка произошла, быть можетъ, отъ того, что авторъ принялъ мнѣнія профессора Пахмана и его сторонниковъ за истинное выраженіе науки права.

Г-жа Ефименко заявляетъ въ предисловіи, что ей „хотѣлось бы посвятить свою книгу нашей учащейся молодежи, особенно студентамъ-юристамъ нашихъ университетовъ“. Выраженное при этомъ „завѣтное пожеланіе“ имѣетъ видимую связь съ главнымъ трудомъ автора, могущимъ дѣйствительно служить образцомъ для изслѣдованій нашихъ молодыхъ, начинающихъ ученыхъ. Масса старинныхъ памятниковъ и документовъ хранится еще на сѣверѣ у крестьянъ и въ монастыряхъ; многое исчезаетъ вслѣдствіе невѣжества или небрежности, на что авторъ совѣтуетъ обратить вниманіе „ученымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ нашу старину“. Эта „исчезающая письменность“ заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя матеріалы для исторіи народа, и изъ того, что удалось собрать г-жѣ Ефименко, она построила цѣлое зданіе, не лишенное изящества и силы. „У нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ и начинающихъ ученыхъ—говорится въ началѣ статьи,—проявляется стремленіе изучать западно-европейскую исторію въ ея источникахъ по архивнымъ памятникамъ. На это тратится много труда и средствъ. Стремленіе очень почтенное... Но какъ-то ужасно грустно становится при мысли, что въ то самое время какъ изучаются англійскіе памятники, свои, русскіе, немилосердно истребляются, — получается русская исторія французскаго крестьянина и въ то же время безвозвратно погибаетъ возможность выяснить когда-нибудь исторію своего собственнаго крестьянина“. При такихъ условіяхъ попытка автора тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности.

Выводы, къ которымъ пришла г-жа Ефименко послѣ кропотливой двухлѣтней работы, оказались совершенно несогласными съ наиболѣе популярнымъ и господствующимъ мнѣніемъ, въ которомъ сама она до тѣхъ поръ „была глубоко и твердо убѣждена“. Оказалось, что „поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладѣнія“, что старая деревенская организація заключалась въ долевомъ владѣніи, имѣвшемъ личныя и частныя основанія, и что волость не была поземельною единицею, какъ это доказывалъ г. П. Соколовскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“. Периодическія измѣренія земли производились не въ смыслѣ передѣла, а исключительно для провѣрки количества владѣнія, подлежавшаго тяглу,—для уравниванія податного, а не земельного. Были также на сѣверѣ обширныя личныя владѣнія новгородскихъ бояръ и купцовъ. Крестьяне были собственниками своихъ деревенскихъ